

Художники и музы Вег. клуб. - 1996. - 15 авг. - с. 7.

Тайная возлюбленная Пабло Пикассо

Женевьева Лапорт — самая младшая из трех возлюбленных Пикассо, переживших великого художника. Пикассо за один 1951 год нарисовал и подарил ей целую коллекцию рисунков, назвав их "любвыми письмами". Он сказал тогда Женевьеве: "Вы подарили мне солнце, это совершенно естественно, что я дарю вам теперь в знак благодарности его лучи".

"Мне было всего 17, — говорит Женевьева, — когда я пришла к нему брать интервью для газеты, которую издавал мой отец. Он сказал, что "упоен моей юностью" и просил навещать каждую среду после полудня в его мастерской по улице Гран-Огюстан, 7. Потом мне пришлось уехать в Америку, и когда через шесть лет я вернулась в Париж и вздумала позвонить ему, он тотчас же назначил мне встречу, на которой мы стали близки".

В 1951 году ей было 23, ему — 70. Она называла его Паблитом. На дворе была парижская весна. Он был женат на Франсуазе Жило, от которой родилось двое детей, Клод и Палома.

"Но брак его сотрясился скандалами. Я была спрятана в потаенном уголке его души, — продолжает она, — будучи не только любовницей, но и верным другом, умеющим слушать. Он выливал на меня ушаты своего гнева, тиранических бурь. Он делился со мной своими страхами и надеждами. Мы смеялись иногда целыми днями напролет. Иногда мне казалось, что он парит над моралью, над устоями человеческой жизни, вообще над всем. Мне он казался живым богом, допустившим меня до себя. Я все время пыталась понять, что же такого нашел во мне этот великий человек, и однажды, на-

Говорят, что Пабло Пикассо, как Синяя Борода, имел семь жен. Оказывается, у него была и восьмая — по имени Женевьева Лапорт. Ей было 23 года, когда она стала его музой. Художник посвятил ей более пятидесяти рисунков, которые только что были выставлены в парижской галерее "Дидье Имбера"

бравшись смелости, я задала ему робко этот вопрос. Помню, как он повел меня в галерею, где висели его картины, — и подвел к одному из холстов под названием "Цветочница", которую он написал еще в 1905 году. Он сказал мне: "Когда я впервые тебя увидел, меня потрясло твое сходство с той маленькой девочкой, продавщицей первых цветов, которая позировала мне. До меня ее, кстати, рисовал Модильяни".

Я любила смотреть, как он работает, наблюдая за каждым жестом, особенно над тем, как менялось выражение глаз. До того живые и веселые, они становились пронзительными и страшными, едва он брал в руки кисть и приближался к белому полотну листа или холста. Он ничего не слышал и ничего не замечал более вокруг себя. Его рука начинала быстро летать над чистым пространством листа, и казалось, он был одержим духом. Кстати, иногда он случайно хватал мою помаду, лак для ногтей и тушь для ресниц, то, что было ближе всего в тот момент, — и самозабвенно начинал рисовать, причем великолепные ве-

щи. Он любил рисовать меня обнаженной, в каждой линии моего тела сегодня я читаю зашифрованные слова любви. Теперь я понимаю, почему Паблитко сказал, что его рисунки ко мне — "письма любви". (Эти "письма", кстати, были оценены экспертами от 700000 до 1,5 миллиона франков).

В то время я не знала их настоящей ценности, а просто прикрывала кнопками к стене над постелью. И когда меня спрашивали о них, никто не хотел верить, что их сделал Пикассо".

Женевьева жила в мастерской Пикассо, наблюдая за тем, какие личности приходили к нему туда: Брак, Ман Рей, Брессон, Жан Маре, Миро, Тцара, Ален Кюни... Когда она выходила ненадолго, он искал ее по всем телефонам и, если дозволилось, говорил одно слово: "Вернись".

Когда она грустила, он веселил ее тем, что изображал Чарли Чаплина, во весь голос распевал "Ля Кукарача". Летом он увозил ее в Прованс, гуляя часами по холмам и живописным просторам Ля Гард-Френе. Особенно они любили

зеркало, то никогда бы не знал, что постарел. Я чувствую, что мне постоянно 14 лет".

Он все время попадал в какие-то мальчишеские смешные ситуации. Помню, как мы зашли в какой-то ресторанчик пообедать, и хозяин заведения попросил Пикассо нарисовать ему что-нибудь на салфетке вместо оплаты за стол. Паблитко так и сделал, а когда он про-

перед ней знаменитый художник. Она спросила его: "Неужели вы и есть настоящий Пабло Пикассо?" Он ответил: "Не знаю, но я очень стараюсь им быть".

"Ну, тогда нарисуйте меня", — продолжила она. (Стоит оговориться, что по-французски "нарисуйте меня" звучит точно так же, как "причешите меня", глаголы разные, но абсолютно омонимичные!)

"Охотно, — тотчас же ответил он, — дайте мне расческу!"

Сегодня Женевьева живет воспоминанием прошлой любви. Вздыхая, она напоминает, как Ж. Кокто предостерег ее от всепоглощающей страсти, а узнав, что они все же расстались, сказал, что ей удалось "спасти свою кожу". Общеизвестен тот факт, что гений был патологическим тираном, требовавшим полной физической и душевной отдачи в любви, ради которой доходил до самозабвения сам и заставлял это делать других. Его женщины имели впоследствии трагические судьбы: Дора Маар сошла с ума, Мари-Тереза Уолтер пустила себе пулю в голову, Жаклин, последняя супруга, после его смерти покончила с собой, как и его внук.

"Сегодня мне 70 лет, — говорит Женевьева. — Ровно столько, сколько было ему, когда мы встретились и он полюбил меня. Когда я умру, никто больше не назовет его Паблитом. Все забудется. И я растаю в небытие, как и моя память. Я часто плачу. Но я знаю, что, когда стану духом, мы обязательно встретимся: и там, над облаками, мне опять будет 17 лет, а он, влюбленный, протягивать ко мне руки".

Юлия КОЗЛОВА.
Фото из журнала
"Гала" (Франция).

уединяться на виноградниках Гримо и Кожолен. Пикассо любил также купаться в Сан-Тропезе, нырять и резвиться на волнах, как маленький.

"Он никогда не уставал, никогда не просил меня присесть отдохнуть. Помню, как Паблитко признался однажды: "Знаешь, если бы я не смотрел в

тянул салфетку владельцу, тот с возмущением заметил: "Ну так распишитесь же, поставьте свою подпись под ним". На что тот ответил: "Я плачу за обед, мсье, а не покупаю ваш ресторан с потрохами".

Как-то мы остановились в одной гостинице, и хозяйка долго не могла поверить, что